

А.О. Муртазаев

**КАЙТАГО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД
КАСПИЙСКОГО ПОХОДА ПЕТРА I**

Согласно источникам, Кайтагское уцмийство было одним из наиболее значимых по территории и влиянию феодальных владений в Дагестане, которое охватывало земли приморской низменности, предгорного и нагорного Дагестана. На севере оно граничило с Тарковским шамхальством, на юге – с Дербентом и Табасараном, на западе – с Казикумухским ханством и Акуша-Дарго, на востоке омывалось Каспийским морем. В изучаемое время оно представляло собой крупное, по масштабам Дагестана, феодальное владение, в котором проживали различные этнические группы (кайтаги, кумыки, терекемейцы, даргинцы, горские евреи). Каспийский поход Петра I 1722 г. оказал значительное влияние на политическую историю Кайтага и его народы. В данной статье мы попытаемся отразить свой взгляд на непростые кайтаго-российские отношения, их формирование, на последствия похода для уцмийства, роль и место Кайтага в кавказской политике императора.

Каспийский поход Петра I, известный так же как Персидский, Кавказский и Закавказский, стал крупнейшим военно-политическим мероприятием в восточной политике России первой четверти XVIII в.

Подготовка к походу шла основательно и в соответствии с грандиозными целями, которые предусматривались кавказской политикой Петра I – это обеспечение выхода к южным морям, безопасность границ от нашествий османских и крымских феодалов, поворот в восточной торговле с Европой со средиземноморского (османского) направления на Каспийско-Волжскую магистраль, овладение стратегической инициативой на Востоке и т.д.

Петр I исходил из того, что Иран и подвластные Сефевидам территории Закавказья и Западного Прикаспия в большом количестве поставляли на внешний рынок шелк-сырец, хлопок, шерсть, хлопчатобумажные и шелковые ткани, драгоценные металлы и камни, пряности, фрукты и вина (*Лыцов В.П.*, 1951. С. 48). «Петру было хорошо известно, – пишет об этом В.С. Бобылев, – что шелк, который производился близ берегов Каспийского моря в районах Шемахи, Гиляна и Дербента, направлялся в Западную Европу в основном через Турцию» (*Бобылев В.С.*, 1990. С. 153).

В случае успешного завершения похода Петр I рассчитывал добиться получения значительных доходов в российскую казну от восточной торговли с Западом, которую вели западноевропейские и турецкие компании. «Успешное решение данной задачи, – отмечает тот же автор, – явилось бы важным шагом на пути практической реализации планов Петра по превращению России в главную транзитную артерию европейско-азиатской торговли по линии Балтийское море–Волга–Каспийское море» (*Бобылев В.С.*, 1990. С. 153).

Однако прикаспийские области интересовали Петра I не только с экономической, но и с военно-стратегической точки зрения. Граничащие с Россией на юге и юго-востоке Турция и Иран вели между собой многовековую борьбу за установление своего господства на Кавказе и на Ближнем Востоке. Тем временем, пользуясь тяжелым положением, которое переживал Иран, Османская империя реши-

ла «к себе присовокупить владения на Кавказе» (*Магомедов М.Г.*, 1997. С. 237). О плане и намерениях Порты хорошо знали русские власти.

Учитывая все это, после окончания Северной войны Петр I стал усиленно готовиться к походу на юг. Астраханский губернатор А.П. Волынский, являвшийся послом в Иране в 1715–1719 гг. и хорошо разбиравшийся в персидских делах, в донесении Петру I высказывался за открытие военных действий в 1722 г., поскольку его многочисленные осведомители утверждали, что османы намерены захватить Дербент, а если это случится, то Каспийское море надолго останется для России закрытым (*Сотавов Н.А.*, 1991. С. 58).

Весной 1722 г. войска и корабли, предназначенные для похода, были сосредоточены в Астрахани, а 15 июня 1722 г. Петр I сам прибыл в Астрахань. Так начался сухопутный и морской поход Петра I, занявший полтора года (1722–1723). 18 июля 1722 г. флот Петра I под командованием генерал-адмирала графа Апраксина вышел из Астрахани в Каспийское море. Перед выступлением был обнаружен манифест на «татарском, турецком и персидском» языках и отправлен в Тарки, Шемаху и Баку жителям прикаспийских областей. В манифесте указывалось, что подданные шаха – Дауд-бек и Сурхай-хан – восстали, взяли Шемаху и совершили грабительские нападения на русских купцов, причинив России большие материальные убытки и ущемив ее достоинство как великой державы (*Гасанов М.Р.*, 1997. С. 133).

Одновременно с этим на аудиенции турецкому посланнику в Петербурге было также объявлено, что поход предпринимается не для ссоры с султаном и «не для войны с шахом», а только для «отмщения» обиды захватившим Шемаху «лезгинским бунтовщикам» и для «получения достойной сатисфакции» (История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. 1998. С. 413; *Брикнер А.Г.*, 1882. С. 564). Однако факты свидетельствуют, что к поискам и преследованию грабителей не было приложено ни малейших усилий, а с их отрядами у русских войск не было ни одного столкновения. Шемахинские события использовались Петром I лишь в качестве повода для начала военных действий.

В целом манифест Петра I в Дагестане был встречен радушно за некоторым исключением. Русские власти располагали информацией о враждебных намерениях ряда дагестанских владетелей. Убежавший из плена в сел. Губден грузин Ф. Георгиев сообщал, что «после пятничной молитвы жители (Губдена. – Авт.) говорили меж себя, что Дауд-бек, усмен (уцмий. – Авт.) и Сурхай намерены по сю и ту сторону деревни собраться против войск его императорского величества биться и соглашались де о том, что с ними был за одно и Адиль-Гирей шамхал, но он де, Адиль-Герей, с ними в том соглашаться не хотел» (Из допроса выходца из Грузии Ф. Георгиева... Л. 412).

Известие о начале похода русских войск вызвало сильную тревогу в Османской империи. В Константинополе, доносил Неплюев, «следует великое приготовление к войне. Посылают беспрепятственно и амуницию, и артиллерию в Азов и Арзрум. И во всю Азию указы посланы, чтобы войско собиралось, и чтобы маршировать с тем войском в Дагестанскую землю» (История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. 1988. С. 413). Реакция наиболее крупных владетелей Дагестана на появление русских войск была различной. Дауд-бек и Сурхай, опасаясь карательных действий русских властей, стали более активно добиваться покровительства Порты. Та же часть владетелей, которая находилась под покровительством России или не участвовала во враждебных дейст-

виях, изъявила готовность оказать содействие Петру I (*Сотавов Н. А.*, 1991. С. 59).

Когда же Порта объявила о принятии Хаджи-Дауда в подданство, 27 июля 1722 г. Петр I с основными силами высадился в Аграханском заливе. Тем временем шедшая из Астрахани сухим путем конница также вступила в Северный Дагестан, правда, заодно наказав эндиреевского владетеля, «не изъявившего покорности и, по слухам, даже намеривавшего действовать враждебно». Резиденция эндиреевского владетеля была превращена в «пепел» (*Потто В.*, 1899. С. 25; *Бакиханов А.-К.*, 1926. С. 105). Владетели же костековский, аксаевский и шамхал тарковский выразили свою верность России.

6 августа недалеко от Аксая Петра I встречали с подарками: шамхал тарковский передал Петру I 600 быков, запряженных в телеги, и 150 – на пищу войскам, три персидских коня и седло, украшенное золотом. Шамхал Адиль-Гирей объявил, что до сих пор служил государству верно, а теперь будет «особенно верно служить», и предложил Петру I в помощь свои войска (Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. 1988. С. 24) (Далее – РДО. 1988). Кроме того, по приказу шамхала вдоль пути войск на его земле были вырыты колодцы, чтобы русское войско не имело недостатка в воде. 12 августа подтянулись все части. Царь и шамхал взаимно устроили друг для друга торжественные приемы. В эти дни к Петру прибыли делегаты из Дербента, изложившие царю обстановку в городе и с радостью согласившиеся на его покровительство (*Алкадари Г.-Э.*, 1994. С. 75).

Однако еще 31 июля Петру доставили подробное донесение А. Лопухина, заранее посланного на разведку в эти знакомые места (в 1718 г. он с подарками от шаха проходил сухопутным путем из Дербента в Астрахань). Из Дербента пришли точные сведения, что назначенного здесь шахом султана нет уже больше года: он отбыл в Исфахан, когда в 1720 г. обстановка стала обостряться. Его место занял наиб Имам-Кули-бек, который, как оказалось позже, был потомственный юзбаша, звание это носили и отец его и дед. Жители города тогда разделились на две «партии», которые возглавляли два знатных человека: Арслан-бек встал во главе сторонников уцмия и Хаджи-Дауда, а юзбаша – во главе сторонников шамхала (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. I. С. 21). Еще до размолвки уцмия с Хаджи-Даудом юзбаша обратился к Адиль-Гирею с просьбой прибыть в Дербент. Тот прибыл, назначил юзбаша наибом, придав ему «своих людей для охранения». Последнее же время шамхал постоянно жил в Дербенте около двух месяцев, а возвращаясь в Тарки, взял с собою в аманаты брата наиба и «других знатных несколько человек». Но дербентцы были довольны: они сами говорили, что если бы Адиль-Гирей тогда не вступился за них, то Дербент был бы разорен так же, как и Шемаха, а «ныне оный город под именем шавкальским» (Письмо дербентского наиба Имам-Кули-бека к Петру I... Л. 12).

Зато отношения Адиль-Гирея с уцмием Ахмед-ханом были натянутые: «Хотя явной ссоры не было, однако ж тайно один другому делают вред». Причина в том, что сначала уцмий и шамхал договорились вместе идти на Шемаху, а потом уцмий, не ставя его в известность, один присоединился к походу и получил немалую добычу, а шамхал остался ни с чем (Донесение дербентского наиба Имам-Кули-бека Петру I ... Л. 423). Впрочем, и уцмию мало что осталось от его ардебильской добычи: когда люди уцмия везли ее в Кайтаг мимо Дербента, дербентцы как-то узнали об этом и перехватили их, почти все

они сумели захватить, да еще и убили нескольких людей уцмия. Сурхай потерпел неудачу под Гянжой, теперь же он и Хаджи-Дауд склоняли уцмия, Муртузали и других укрывающихся в Шемахе дагестанских владетелей выступить против России.

16 августа армия Петра I выступила из Тарков в сторону Дербента, являвшегося наиболее важным объектом кампании 1722 г. «При движении из Тарков в Дербент, – писал В. Комаров, – войска наши понесли некоторый урон от неприятельских действий уцмия Каракайтагского и Султан-Махмуда Утемышского, которые, хотя оказывали всякое доброхотство коему, но в сие время поступили неприятельски» (Комаров В.В., 1867. С. 14). Когда русские войска подошли к владению Султан-Махмуда Утамышского, то он «...по приказанию уцмия, собрав из тех районов и округов до шести тысяч войска, приготовился сразиться с русскими» (Алкадари Г.-Э., 1994. С. 76; Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. 1992. С. 200).

Дойдя до Утамышских владений, император послал одного офицера с тремя казаками с письмом к утамышскому султану, «чтобы он либо сам пришел, либо прислал депутатов в лагерь, для принятия повелений протекции от государя» (Комаров В.В., 1867. С. 15). Но султан вместо ответа приказал «бесчеловечным образом изрубить отправленного к нему с письмами Казацкого есаула с тремя казаками, войско же его состоявшее из 10000 человек своих и из 6000 усмеевых, хотело нечаянно напасть на русские войска, но было разбито и преследовано до самого Утемышша, который превращен в пепел. То же самое учинено и с шестью другими его владения местами. Число убитых и раненных простиралось до 1000 человек. Скота взято 7000 быков и до 4000 баранов, не считая другого их имущества. Несколько подданных сего султана, взятых в плен казнены смертью за учиненные ими с есаулом казацким бесчеловечие» (О персидском походе при государе Петре Великом бывшем. 1899. С. 484). Однозначных данных о количестве войск, участвовавших в нападении на русское войско, нет. Так, А.-К. Бакиханов также говорит о 16 тыс. «как своего, так и кайтагского» (Бакиханов А.К., 1926. С. 105). О 16 тыс. войске, которое возглавлял султан Махмуд, сообщал и Ф.И. Соймонов (Соймонов Ф.И., 1763. С. 90). Согласно же данным П.Г. Буткова, «явилось на отемышских горах неприятелей до 10 тысяч человек под начальством Мегти-Бега, Якши-Бега и Айтемур-Бега, подданных отемышских и усмейских, из которых почти половина была пехота» (Бутков П.Г., 1869. Ч. I. С. 25).

Петр I в своем письме сенату писал, что после завершения всех боевых действий его люди насчитывали около 600 убитых неприятелей, в плен же попало 30 человек (Допросные пленных похода Петра I в Персию... Л. 158). Это показывает упорное сопротивление оборонявшихся, что подтверждается и другим свидетельством: «Они, нападая на российские войска, бились запальчиво и долго стояли в сражении, ибо сначала не можно было поставить против них довольную силу, но когда в бой вступили основные силы, ополченцы вынуждены были поспешно отступать», – писал Ф.И. Соймонов (Соймонов Ф.И., 1763. С. 90).

Из допросов пленных стало известно, что среди нападавших на российские войска были не только подданные султана и уцмия, но и других владений, таких, как Акуша, Гапшима, Кубачи, Губден и даже из Казикумуха. Один из пленных сообщал, что в нападении на российские войска участвовали даже табасаранцы (Грамота-перевод шамхала Адиль-Гирея к Петру I... Л. 21–22; Допросные пленных похода Петра I в Персию... Л. 211, 231, 232).

Между тем уцмий Кайтага Ахмед-хан, испортив отношения с шамхалом Адиль-Гиреем, заблаговременно удалился в Шемаху, чтобы быть подальше от Петра – покровителя шамхала. Убедившись, что Петра I интересуют Дербент и торговый путь, и заручившись поддержкой других владетелей, он вернулся в Кайтаг. Вековой политический опыт показывал ему, – писал Р.М. Магомедов, – что нельзя позволять иноземцам закрепляться на территории Дагестана, строить тут крепости и т.п., его дед и отец отважно сражались из-за этого с Ираном. Но исход столкновения со 100-тысячной армией Петра I был неясен, и вот уцмий Ахмед-хан нашел возможность сделать это чужими руками, а затем в зависимости от результата строить свои действия (Магомедов Р.М., 1999. Ч.II. С. 74). 19 августа его вассал Махмуд был разбит, а через 4 дня, 23 августа, уцмий уже направил Петру прошение о принятии его на «царскую службу», особенно впечатляет там фраза: «Господь бог свидетель, что в.и.в. в здешних краях раба вернее меня не имеется» (Просительная грамота Ахмед-хана кайтагского Петру I... Л. 122).

Пройдя через владения уцмия кайтагского, 23 августа русские войска, предводительствуемые Петром I, без боя вступили в Дербент. «Наиб сего города, – писал Петр I в сенат, – и ключ поднес от ворот. Правда, что эти люди не лицемерно, любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили» (РДО. 1988. С. 39).

Обстановка благоприятствовала продвижению войск Петра I на юг. Однако случилось непредвиденное: возникшие затруднения в продовольствии и снаряжении в связи с крушением у Аграханского залива двух эскадр, косившая солдат эпидемия и падеж лошадей вынудили Петра отказаться от продолжения похода (РДО.1988. С. 45).

Для обсуждения создавшегося положения был созван военный совет – «генеральный конзилий, что делать, на котором все согласно положили письменное мнение, чтобы иттить назад, понеже провианту только на месяц имеем» (Сотавов Н.А., 1991. С. 60). Но кроме этих причин, как отмечает О.П. Маркова, была и другая причина прекращения похода: «Петр I ушел с Кавказа, избегая преждевременной войны с Турцией. Прибывший в русский лагерь на р. Милюкент султанский представитель прямо заявил, что дальнейшее продвижение русской армии на Кавказе будет рассматриваться Портой как причина для объявления войны России» (Маркова О.П., 1966. С. 27). Оставив гарнизон в Дербенте и в ретрашментах на Рубасе, Дарбаге, Бойнаке и Тарках, 7 сентября Петр I выступил в Астрахань. По указанию императора на Сулаке была заложена новая крепость – Святой Крест. Тарковский правитель Адиль-Гирей был утвержден в звании шамхала Дагестана с подчинением ему всех местных владетелей и передачей жилищ и земель султана Махмуда Утамышского (Русско-дагестанские отношения XVII –первой четверти XVIII в. 1958. С. 267–268) (Далее – РДО. 1958).

Назначив командующим всеми оставшимися на Кавказе гарнизонами генерала М.А. Матюшкина, 29 сентября 1722 г. с основными силами Петр I отплыл в Астрахань. В результате проведенной им кампании Россия установила контроль над дагестанским и ширванским побережьем Каспия.

Тем временем возвращающиеся сухопутным путем вслед за Петром, войска подвергались постоянным атакам, по большей части организованным уцмием Ахмед-ханом, которые наносили существенный урон войскам и сказывались самым действенным образом на боеспособности отрядов. На это указывают сведения, упомянутого нами

участника похода Брюса: «...возвращаясь из Дербента 11-го сентября, – писал он, – мы прошли 24 верст, где мы нашли укрепление барона Р. в надлежащем положении и для защиты которой мы оставили 100 солдат и 200 казаков. Сюда также пришел посланец из Дербента и принес известия, что Удених (?) вместе с персидским усмием и султаном Утамышским набрали до 20000 человек и задумали напасть на нас вечером, из-за чего мы целую холодную ночь до другого дня оставались под ружьем, потому что неприятель все время шнырял у нас перед глазами. Несмотря на это, мы поднялись и прошли еще 12 верст встречая беспрестанно неприятеля, который старался несколько раз во время пути напасть на нас, но при нашем приближении каждый раз убегал. Увидя на другой день неприятеля очень близко в боевом порядке, мы также построились и простояли так всю следующую ночь... и так подряд несколько ночей не имея возможность разбить палатки и развести огонь. Вследствие чего офицеры и общество от непрерывных походов, бессонных ночей и холода, так устали, что наша армия сделалась совсем слабою к службе» (Из воспоминаний участника похода Петра I ... Л. 50).

Не лучше дела обстояли с военными гарнизонами. Шамхал Адиль-Гирей в письме от 23 октября 1722 г. Петру I писал: «... по отшествии вашем злодей и изменник усмей (уцмий. – Авт.) сего сентября в 17 день со своим войском напал на новопостроенную от вас в Кайтаге фортецию, человек с 150 побили и пушки отобрав с собою увез...» (Письмо кумыкского шамхала Петру I... Л. 436).

Аналогичное сообщение Петр I получил и от дербентского наиба Имам-Кулибека в послании от 27 сентября 1722 г.: «... по возвращении вашего величества отсюда построенную по указу вашего величества крепость по реке Дарбаге изменник усмий взял и пред тою крепость найдено убитых три человека, и прочие все убиты в городе, а которая крепость на Рубасе и к той собравшись Мясум (майсум. – Авт.) через три дня приступил и бился, в которой баталии человека, с четыре из казаков убили и восемь человек из солдат ранили и слышали мы, что Даудбек собравшись многолюдством намерены к тому городу приступать» (Из донесения астраханского губернатора А.П. Волынского в Коллегию иностранных дел... Л. 134).

Из сообщения видно, что кроме уцмий участие в нападениях на военные укрепления принимают и другие дагестанские владетели. Надо полагать, что тут не обошлось без вмешательства Турции. 3 сентября 1722 г. шамхалу Адиль-Гирею было послано воззвание от турецкого султана «выслать всех магометанцев, какого бы ни были роду из домов своих, и велеть им... против русских весьма жестоко биться» (РДО. 1958. С. 261). Но тогда шамхал остался верным России. Не исключено, что такого рода воззвания получили и другие владетели Дагестана, которые обнадеживались большими подарками и поддержкой турецких войск.

Есть сведения, что Турция, обеспокоенная продвижением Петра в прежнюю сферу влияния Ирана, собираясь объявить войну России и двинуть свои армии в Закавказье, начала засылать своих эмиссаров в Ширван и Дагестан. Кайтагский уцмий и утамышский султан также были обнадежены, что турецкое наступление

и военная помощь не за горами. Возможно, этим и объясняются их столь активные действия против русских войск (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч. II. С. 76).

Военные действия против русских войск повторялись все чаще и чаще. Не прошло и месяца с момента взятия крепости на реке Дарбаге, как Петр I получил новое сообщение от дербентского наиба о нападении уцмий Ахмед-хана, султана Махмуда утамышского, Дауд-бека с табасаранскими жителями на крепость Рубас (Запись в журнале консула в Персии С. Аврамова... Л. 123). За такое отношение к русским войскам уцмий был жестоко наказан. Петр I в послании Сенату об этом пишет следующее: «...в крепости Святой Крест к нам присоединились калмыки, которые тот час же были отправлены с 1000 человек донских казаков для большого наказания уцмий, тревожившего нас и при обратном движении, которого намерены сами посетить, но за скудностью и ходобою оставших лошадей того учинить не могли» (РДО.1988. С. 45).

Посланный отряд под командованием атамана Краснощекова разбил на всех пунктах неприятеля, разорил до основания все селения в Нижнем Кайтаге, но, получив вновь огромную добычу разного рода имуществом и скотом, возвратился к армии с 350 человек пленных (*Богуславский Л.*, 1892. Т. I. С. 3; *Соймонов Ф.И.*, 1763. С. 95; *Комаров В.В.*, 1867. С. 576).

Но эта акция русских властей не только не остановила уцмий, наоборот подтолкнула его к еще более активным действиям. Отношения с Петром I были испорчены серьезно. Это видно хотя бы по инструкции, посланной царем в ноябре 1722 г. Матюшкину: «...ежели кто из горских владельцев будет искать нашей протекции, то оных принимать – кроме уцмий и утамышского владельцев как нам противных... Драгунам конным надлежит с казаками действовать и, как только возможно, разорять уцмий и прочих противных – также помогать дербентцам в их нуждах, прикрывая их полевые работы...» (*Комаров В.В.*, 1867. С. 595, 596).

Ахмед-хан действительно подвергал частым нападениям Дербент и разорял близлежащие деревни. «Хаджи-Дауд и уцмий атаковали город сверху и с юга. Хаджи-Дауд вскоре ушел, а уцмий, потеряв незначительное количество своих воинов, до ноября сжигал поля и уничтожал дербентские сады» (Лист-перевод дербентского наиба Имам-Кули-бека к Петру I... Л. 239).

Все это привело к тому, что в Дербенте стало катастрофически не хватать продовольствия: «...в съестных припасах находимся зело в скудности, понеже пашни от таких нападений не имеем и пребываем всегда взаперти», – писал дербентский наиб Петру I. Вместе с этим ухудшались отношения уцмий Ахмед-хана с Сурхай-ханом казикумухским. Дело дошло до того, что «Сурхай имел баталию з бездельником усмеем» (уцмий. – Авт.) («Лист» дербентского наиба Имам-Кули-бека к Петру I... Л. 356). По сообщению дербентского наиба Петру I незадолго до этого, «Сурхай имел пересылки с усмеем и объявил ему усмею, что желает служить его императорскому величеству и намерен с помощью божиего искоренять противников» (Письмо от дербентского наиба Имам-кули-бека к тайному советнику П.А. Толстому... Л. 241).

Но чем же объяснить столь преданное отношение Сурхая к императору России? Вполне возможно, что Сурхай-хан пытался использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. Известно, что после шемахинских событий Турция назначила наместником Ширвана не его, а Хаджи-Дауда. А это очень сильно задело Сурхая, и разрушало его планы по овладению Ширваном. В этом-то он хотел опереться на Россию. А «искоренением» уцмий он рассчитывал на милость импера-

тора и помощь в деле реализации своего плана.

Помимо этого, в уцмий Сурхая раздражало еще одно обстоятельство, свет на который проливает его письмо дербентскому наибу: «Я был с согласия шамхальского иттиг на усмея войною, чтоб его усмея из жилищ своего выгнать, такмо из тамошних народов, а именно Коба, Калхана, Роста, Максут-пашу и Хаджи-Дауда, усмей своим лукавством привел их, чтоб они не допустили нас к горам... а вышеозначенные народы Коба, Калхан, Роста... с усмеем держут пересылки...» («Лист» дербентского наиба Имам-Кули-бека к Петру I... Л. 357).

Отсюда видно, что Сурхай-хана не совсем устраивало пребывание уцмий в этом регионе, а еще больше его озлобляло лояльное отношение их жителей к уцмию, что не могло не мешать Сурхай-хану в осуществлении своего плана в отношении Ширвана. Далее продолжает Сурхай-хан: «...объявлено вам, что я ныне еду в Кумыки, а усмей хочет де ехать в Кайтаки чтоб нам согласитца с вами божим милосердием ево усмея искоренить...» (Письмо от дербентского наиба Имам-Кули-бека к тайному советнику П.А. Толстому... Л. 241). Из письма видно, что отношения уцмий с шамхалом были не очень хорошими. Подтверждением тому служит донесение Адиль-Гирея Петру I: «...изменник усмей с изменником Даудом приступили к городу Дербени, чтоб его взять, о чем, я уведав, пожалованные от в.в. мне деньги и прочее и заняв еще сверх того впятеро больше, раздал все некоторым людям, и напал на тех неприятелей изменников...» (Сообщение шамхала Адиль-Гирея Петру I о нападении Дауд-бека на Дербент и Баку... Л. 142).

Такие «натянутые» отношения между крупнейшими дагестанскими владетелями продолжались недолго. В июне 1723 г. развернулось турецкое наступление в Закавказье. Дагестанские владетели, забыв старые обиды, решили воспользоваться моментом. Планы их выходили далеко за рамки обычных грабительских набегов. Речь шла о разделе Ширвана. Вот что писал дербентский наиб Имам-Кулибек Петру I в этой связи: «...сын шамхала, да сын усмейский в урочище Худат для некоторых разговоров остановились и ширванскую провинцию между собою разделили так, что быть Шемахе и Баке за шамахлом, да Мюскюр, Шабран быть за Давудом, да Кубе и Калхан быть за усмеем, а городу Дербене за маасумом...» (Экстрат писем, полученных от господина генерал-майора Матюшкина из Астрахани... Л. 256; Донесение дербентского наиба Имам-Кули-бека Петру I о положении дел на Восточном Кавказе... Л. 154).

Одновременно с этим русские власти получили сведения о том, что дагестанские владельцы планируют нападение на крепость Святой Крест: «...тарковский Алдигирей шамхал, – сказано в источнике, – соединился з Дауд-беком, усмеем и Сурхаем хотят идти войною на новопостроенные крепости в чем де между себя и души дали, и так между собою говорили, что войско российское сюда не подобро пришло лутче де нам собрався всю учинить на них войну... а шемхала де Алдигирея сын, да сын усмея посланы в Шемаху для того, чтобы турецкое войско привести сюда... такмо де шамхал Тарковский тем их утверждает, пока хлеб с поля уберут то де с генералом Кропотовым станем пересылаться письмами, а как хлебы с поля уберут и провианту наготовим, то на себя будет ждать генерала Кроптова или собрався сами на него пайдем...» (Донесение Чопан-шамхала генерал-майору Г.С. Кропотову... Л. 459). Тем временем уцмий оставил Кайтаг и отправился в Ширван, но вместе с этим он пытался отгородить свое владение от возможных повторных нападений царских войск. Поэтому одновременно он вступил

в переговоры с русскими властями о вступлении в российское подданство (Сообщение шамхала Адиль-Гирея Петру I... Л. 148). Но процесс этот оказался долгим и тяжелым, на что, по-видимому, и рассчитывал уцмий Ахмед-хан, ведь его цель не подданство, а безопасность, а пока шли переговоры, можно было не опасаться нападения. При этом он энергично действовал в Ширване. Источники свидетельствуют, что за это время у шамхала и уцмий было три сражения с шемахинцами. У шемахинцев потерь было в десять раз больше, чем у горцев. К тому же они в «уезде шемахинском разорение многое учинили побрали скотину и хлеб не снятой потолочили...» (Грамота Петра I кумыкскому шамхалу... Л. 448). По этой причине шемахинцы вынуждены были пойти на определенные уступки: «...шемахинцы принуждены были договор учинить с шевкалом и усмеем под присягою дабы шемахинцы приняли детей шевкаловых, сына усмеева в Шемаху наипами, что от шемахинцов и дозволено, к тому ж подарили шевкала и усмея двумя лошадьми и сот на пять парчей и протчего...» (Донесение шамхала генерал-майору Кропотову... Л. 467). Но детей своих шамхал и уцмий здесь не оставили, возможно, потому что в Шемахе уже пребывал турецкий комендант Алибей.

В это же время русские власти получили известие о том, что дагестанские владетели готовят крупный военный поход в Грузию и Армению: «...тавлинцы и усмийцы и протчих владельцев татара собравшись еще на святой неделе во многих тысячах и пошли де на грузинцев и на армян...», – сказано в источнике (Донесение шамхала генерал-майору Кропотову... Л.378). Объясняли они это тем, что «...великороссийские войска в горы ходить не может с пушками и пехотою им нечего в горах не могут для того что де пушек с собою вывезти не возможно, а грузинцы и армяне люд конный, а с войском де великороссийским имеют согласие, а будут де они в горах чинить великую обиду, а когда де тех грузинцов и армян они искореняет тем своим татарским войском в то де время как можно все за одно будем де бить на войско великороссийское...» (Донесение шамхала генерал-майору Кропотову... Л. 378).

Из сообщения ясно прослеживаются замыслы дагестанских владетелей. Они готовили крупную военную акцию, направленную против российских войск в Дагестане. Вместе с тем они не забывают обезопасить себя от возможного нападения со стороны союзников России в этом регионе – Грузии и Армении.

Между тем продолжались переговоры уцмий с русскими властями о принятии его в российское подданство, которые уцмий затягивал под различными предложениями. По-видимому, Ахмед-хан учитывал и высадку русских войск в Баку, Сальянах, Реште и русско-иранский договор 1723 г. с ожидаемой передачей России владений Ирана к западу и югу от Каспия, и турецкое наступление 1723 г. в Закавказье. 12 июня 1724 г. в Константинополе был подписан русско-турецкий договор о разграничении сфер влияния на Кавказе. По условиям договора в российскую зону входили в районе Дербента все земли на 22 часа езды верхом от берега моря. Сыграть на противоречиях противоборствующих сторон у Ахмед-хана вроде не было необходимости. Возможно, его намерение открытого военного выступления вместе с шамхалом и другими против России было последней попыткой сохранить свою самостоятельность. Но осторожный Ахмед-хан решил сделать это чужими руками: он обещал поддержать выступление шамхала Адиль-Гирея, но когда это случилось, Ахмед-хан не выполнил своего обещания и не присоединился к Адиль-Гирею, как раньше он поступил с правителем Утамышы султаном Махмудом. О тех событиях И.-Г. Гербер писал так: «Сей усмий Ахмед-

хан человек лукавой и неглупой; он чрез свой подговор много к тому помогал, что шамхал против России збунтовал, и хотя он обязался с войском своим с шамхалом соединиться, однако ж он в то дело не вмешивался и сидел тихо, ожидая, будут ли турки по обещанию Даудбека, шамхалу в помощь; а как он увидел, что турки то не исполнили, а российское войско на шамхала пошло, то поддался он Российской империи и присягу учинил и для того сохранен остался» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 84). П.Г. Бутков также утверждал, что «усмий Ахмед-хан, будучи человеком хитрым... принуждал шамхала к возмущению и обещал ему вспоможение, хотя оно и не дал» (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. I. С. 80).

Как известно, попытка Адиль-Гирея захватить крепость Святой Крест окончилась провалом, его отряды были разбиты, а он сам пленен и выслан в Россию. Вскоре после этого уцмий Кайтага вновь «изъявил покорность» российскому правительству, дал присягу в верности со своими сыновьями и старшинами и представил аманатов в Дербентскую крепость (*Зиссерман А.*, 1881. Т. I. С. 10). Следует отметить, что кубачинцы присягнули с уцмием в 1725 г. Через год при «помощи» уцмий присягнули и акушинцы.

Уцмий Ахмед-хан обманном путем сначала толкнул шамхала на выступление против России, сам, оставаясь в стороне, а после его гибели превратился в сильнейшего из владетелей Дагестана. Затем он толкнул на выступление акушинцев, но оставил их лицом к лицу с противником, на сторону которого сам и перешел, а потом, пугая их неизбежной расправой, превратил в своих подданных (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч. II. С. 88). В итоге статус Акуша-Дарго И.-Г. Гербер определял так: «Под Российской империей, под ведением уцмеева с 1725 года, а прежде сего вольные люди... Каждая деревня имеет своего старшину, который ныне усмею послушны, только он, усмей, с ними вежливо поступать принужден, ибо оные (т.е. акушинцы. – Авт.) себя подданными числить не дают... Податей никаких ни государю, ни усмею не платят, только по его требованию к войне собираются против платы (т.е. за плату. – Авт.) или надеянием на добычу» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 84).

Действуя такими методами, ловко используя момент, уцмий Ахмед-хан значительно расширил пределы своего владения и поднял его статус. Тот же И.-Г. Гербер свидетельствовал: «Владелец усмей, имя ево Ахмед-хан, он себя также называет и пишет ханом хайдацким и карахайтацким. Усмей после шамхала всегда знатнейший у здешних народов был и ныне еще в великом почтении. От оногo зависят с некоторыми договорами султан Мамут Утямиш, Кубяша, Акуша и несколько таулинцов» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 85). Сам уцмий присягнул России в апреле 1727 г. Таким образом, поход Петра I и связанные с этим военно-политические мероприятия российских властей в Дагестане имели весьма важные последствия в политическом отношении для Кайтагского уцмийства. Уцмий Ахмед-хан, умело используя создавшуюся политическую ситуацию, сумел расширить границы своего владения и заметно поднять его авторитет, превратив по сути Кайтагское уцмийство в самое сильное феодальное владение в Дагестане до восстановления Тарковского шамхальства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алкадари Г.-Э.*, 1994. Асари Дагестан. Махачкала.
Бакиханов А.К., 1926. Гюлистан-Ирам. Баку.
Бобылев В.С., 1990. Внешняя политика России эпохи Петра I. М.

- Богуславский Л.*, 1892. История Апшеронского полка. 1700–1892. СПб. Т. I.
- Брикнер А.Г.*, 1882. История Петра Великого. СПб. Т. II.
- Бутков П.Г.*, 1869. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб. Ч. I.
- Гасанов М.Р.*, 1997. История Дагестана с древности до конца XVIII в. Махачкала.
- Гербер И.-Г.*, 1958. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М.
- Грамота Петра I кумыкскому шамхалу Адиль-Гирею о решении правительства возвратить пленных дагестанцев, если все народы Дагестана покажут свою верность России // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.
- Грамота-перевод шамхала Адиль-Гирея к Петру I // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 436.
- Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. 1992. Махачкала.
- Донесение дербентского наиба Имам-Кули-бека Петру I о положении дел на Восточном Кавказе // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60; Ф. 3. Оп. 1. Д. 278.
- Донесение дербентского наиба Имам-Кули-бека Петру I // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.
- Донесение шамхала генерал-майору Кропотову // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560.
- Донесение Чопан-шамхала генерал-майору Г.С. Кропотову // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.
- Допросные пленного похода Петра I в Персию. Август 1722г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560.
- Запись в журнале консула в Персии С. Аврамова // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59.
- Зиссерман А.*, 1881. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. СПб. Т. I.
- Из воспоминаний участника похода Петра I // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58.
- Из донесения астраханского губернатора А.П. Волынского в Коллегию иностранных дел // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59.
- Из допроса выходца из Грузии Ф. Георгиева о намерении лезгинского владельца Даудбека, Казикумухского Сурхай-хана и уцмья Кайтагского напасть на царские войска в Дагестане // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. 1998. М.
- Комаров В.В.*, 1867. Персидская война 1722–1725 гг. (материалы для истории царствования Петра Великого) // Русский вестник. Кн. 4.
- Лист-перевод дербентского наиба Имам-Кули-бека к Петру I // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60.
- «Лист» дербентского наиба Имам-Кули-бека к Петру I // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560.
- Лысцов В.П.*, 1951. Персидский поход Петра I 1722–1723 гг. М.
- Магомедов М.Г.*, 1997. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала.
- Магомедов Р.М.*, 1999. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала. Т. II.
- Маркова О.П.*, 1966. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М.
- О персидском походе при государе Петре Великом бывшем. Оттиск из журнала «Русский архив». 1899. № 12.
- Потто В.*, 1899. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис.
- Письмо дербентского наиба Имам-Кули-бека к Петру I // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60.
- Письмо кумыкского шамхала Адиль-Гирея Петру I о нападении войска уцмья на крепость в Кайтаге // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.

Письмо от дербентского наиба Имам-Кули-бека к тайному советнику П.А. Толстому // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60.

Просительная грамота Ахмед-хана кайтагского Петру I о принятии его в подданство России // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278.

Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. 1958. Документы и материалы. Махачкала.

Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. 1988. Сборник документов. М.

Соймонов Ф.И., 1763. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Государя императора Петра Великого. СПб.

Сообщение шамхала Адиль-Гирея Петру I о нападении Дауд-бека на Дербент и Баку и о принятых им мерах // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278.

Сотавов Н.А., 1991. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII века. От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700 – 1774 гг. М.

Экстрат писем, полученных от господина генерал-майора Матюшкина из Астрахани // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60.